

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА В ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИИ XXI ВЕКА

Показывается, что существует парадигмальная научная школа Л.Н. Гумилева в форме развивающейся исторической этнологии. Историческая этнология предстает как важнейшая часть человековедения XXI века – ноосферного человековедения.

Ключевые слова:

биосфера, географический детерминизм, живое вещество, историческая этнология, ноосферная этнология, ноосфера, ноосферогенез, пассионарогенез, этногенез, этнология, этнос.

В 2012 г. мы отмечаем 100-летие со дня рождения Льва Николаевича Гумилева – мыслителя ученого, поэта, на мой взгляд, титана последнего, вернадскианского, цикла эпохи Русского возрождения [19, с. 395–432].

Характеризуя интегрально научное наследие Л.Н. Гумилева, его можно назвать исторической этнологией. Гумилев фактически заложил основы исторической этнологии как науки об этносах, которая резко отличается по своей парадигме от этнографии, что вызвало резкое неприятие в среде этнографов и историков. Острая дискуссия вокруг идей Л.Н. Гумилева не стихает, потому что теория этногенеза с концепцией пассионарного толчка, сама методология научного познания исторической реальности бытия многообразия этносов на Земле были революционным нововведением, находящимся в пространстве идей В.И. Вернадского – учения о биосфере и ноосфере, ставящем на новой научной основе проблему единства хозяйствующего на Земле человечества и Биосферы, Природы, определенной соподчиненности человечества, его хозяйства, социума законам бытия природы как организмической целостности.

Лев Николаевич заострял проблему диалектики в движении социоприродного единства, которая делает социальную эволюцию человечества нелинейной, спирально-циклической, подчиненную ограничениям и спирально-циклическим закономерностям эволюции Биосферы и в целом Космоса. В «Биографии научной теории, или Автонекрологе» он, цитируя мудрое стихотворение китайской царевны из династии Чэн, плененной и выданной за тюркского хана в VI в., замечает: «Не странно ли, что китаянка VI века мыслила категориями диалектики, а европейские филистеры XX века признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу

времени. Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному притяжению), электромагнитным полям и термодинамике» [5, с. 17]. И далее он так формирует исследовательскую задачу: «Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида *Homo sapiens*» [5, с. 17–18].

В результате этого поиска появляется историческая этнология Л.Н. Гумилева, основным методом становления которой становится метод эмпирических обобщений В.И. Вернадского, реализуемый на разных системных уровнях и пространственно-временных метриках учета исторических событий и процессов. Осмысливая свой подход к письменным источникам древности, Лев Николаевич подчеркивал: «Самым легким путем для ответа на интересующий нас вопрос было бы традиционное обращение к письменным источникам. Но вот беда, источники – нет, не молчат, они либо лгут, либо уходят от ответа на вопрос. Обобщенное видение было недоступно хронистам XIII – XIV вв., а научное, эмпирическое обобщение как метод исследования и доказательств принято только в XX в. благодаря работам В.И. Вернадского» [3, с. 45]. Гумилев, адресуясь к возможным оппонентам, подчеркивает, что «эмпирическое обобщение», согласно В.И. Вернадскому, имеет достоверность, равную наблюдаемому факту» [4, с. 30]. «Иными словами, – писал Л.Н. Гумилев, – естественные науки преодолели молчание источников и даже извлекли из этого пользу для науки, поскольку избавились от лжи, всегда содержа-

щейся в источнике или привносимой нами самими путем неадекватного восприятия. Так почему от этого отказываются историки? Привлекая природу как источник, мы обязаны привлечь и соответствующую методику изучения» [4, с. 30].

Историческая этнология – это новая, гумилевская парадигма организации знаний об этносах и этнической истории или истории этносов, главным методом которой становится метод эмпирических обобщений Вернадского на почве синтеза географии, включая этническую географию, ландшафтную географию, истории и учения В.И. Вернадского о биосфере и живом веществе, в частности, представлений о геобиохимических циклах и энергии.

Гумилев определяет этнос как сложную категорию, имеющую несколько смысловых измерений. Попытаемся представить их в виде системы определений и положений:

1. Этнос – это «феномен биосферы или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий» [4, с. 15]. Как феномен биосферы, этнос и, соответственно, этническая субстанция бытия человека и общества накладывают «свою печать на специфику хозяйственного поведения и на специфику функционирования «государства – общества» [18, с. 33], выражают собой своеобразное единство хозяйства, социальных общностей людей и кормящего ландшафта.

Данное определение Л.Н. Гумилева делает историческую этнологию важнейшей составной частью ноосферогенеза XXI в., становящегося ноосферного образования и ноосферной человеческой революции [13]. Связывая будущее этнологии как науки об этносах с биосфероведением в парадигме Вернадского и, соответственно, с естественным и естествоведческой методологией познания, Гумилев сознательно подчеркивал причастность своей мировоззренческой установки науковедческому прогнозу К. Маркса: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человека. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [6, с. 124.]. «Ныне, – замечал он, – мы стоим на пороге создания такой единой науки» [4, с. 20], и историческая этнология, определение этноса как фено-

мена биосферы становятся шагом на пути становления такой единой науки [13].

2. Этнос – это «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специфическое значение в строении биосферы Земли» [4, с. 24]. Человек как живой организм, часть живого вещества Биосферы «входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза» [4, с. 23] и, поэтому, несмотря на созданную им техносферу, на то, что он – «мыслящая индивидуальность», «не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля» [4, с. 23].

3. Этнос – это «естественно сложившийся человеческий коллектив», зарождение, становления развития которого, весь цикл его жизни «происходит на поверхности Земли в тех или иных географических условиях», когда ландшафт начинает выступать фактором, «представляющим экономические возможности» для существования таких «естественно сложившихся человеческих коллективов» – этносов [4, с. 35]. В этом контексте теория этногенеза по Гумилеву реабилитирует географический детерминизм в новом качестве – этногеографическом.

Используя теорию «географического ландшафта» Л.С. Берга, его «хорономический принцип эволюции», связывающий географию с биологией через категорию «месторазвитие», Л.Н. показывает, что этногенез связан с месторазвитием, с кормящим ландшафтом, что хорономический принцип Берга работает через систему «закономерностей развития этноса» [4, с. 38].

Гумилев подчеркивает, что этнос – системно-природное образование, и ведущими факторами этногенеза могут быть разные – резко отличающиеся у разных этносов: язык, религия, культура, вид деятельности и т.п.

4. Этнос – это система, «имеющая свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняется от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затух» [4, с. 91]. Л.Н. Гумилев подчеркивал, что «структура этнического стереотипа поведения – это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; д) между этносом и внутриэтническими группами» [4, с. 91]. Эти нормы поведения пронизывают все области жизни и быта, воспринимаемая в данном этносе как естественные и пото-

му не тягостные. Историческая динамика стереотипа поведения выражает собой историческую динамику и самого этноса.

5. Этнос как «реальная этническая целостность» – это «динамическая система, включающая в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями». При этом, «традиция» выступает в роли «управляющей системы» [4, с. 101].

В этносе как динамической системе воплощен «реальный момент взаимодействия социального с биологическим» [4, с. 105].

Этносы как системы имеют иерархическое строение и включают в себя «субэтность», «субэтнические образования, иногда оформляющиеся в виде сословий» (пример – поморы, казаки в России), «консорции» (группы людей, объединенных одной исторической судьбой), «конвексии» (группы людей с однохарактерным бытом и семейными связями) [4, с. 105–108]. Гумилев подчеркивает: сложность этноса как системы обеспечивает ему устойчивость [4, с. 106].

6. Этносы – организмическая система или система-организм, обладающая «способностью к саморегуляции» [4, с. 107]. При этом, чем сложнее структура системной организации этноса, тем выше «сопротивляемость этноса внешним ударам», тем выше его антиэнтропийность.

7. Этносы могут создавать суперэтносы. Суперэтнос – это группа этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическими общением. Суперэтнос, по Л.Н., определяется «исключительно степенью межэтнической близости» [4, с. 109, 110]. Он считал, что в России–СССР сложился такой российский суперэтнос, цементирующим звеном которого выступает русский этнос. Суперэтносы, в отличие от этносов, не способны к дивергенции.

Как видим, этнос, по Гумилеву, является категорией, которая описывается, противоречивой системой определений (понятий). В этом состоит вся сложность в самом описании этноса как предмета исторической этнологии. Чтобы ее раскрыть, нужна диалектическая методология, нужен особый род «невидимых» качеств – род системно-социального качества [16]. Именно в этом пункте истинный диалектик расхожится с «методологическим индивидуалистом» в науке, который кроме рода предметно-вещественного качества больше ничего в предмете науки знать не хочет.

«Реквием по этносу» В.А. Тишкова, яркого оппонента Л.Н. Гумилева и привержен-

ца принципа методологического индивидуализма в теории познания, обусловлен по своей сути все тем же «восстанием» против любых «коллективов» и описывающих их «коллективистских» понятий, которое начал еще К. Поппер. По Карлу Попперу, исходящему из принципа методологического индивидуализма, кроме конкретных индивидов и межличностных отношений (коммуникаций) ничего не существует [7; 8]. Отсюда – культ ситуационного подхода и отрицание историзма, по Попперу – «историзма», и отрицание «общества» как коллективистского понятия. Утверждая, что, по Гегелю, «общество – это все, и индивид – ничто», Поппер подчеркивает, что его концепция «не предполагает существование коллективов. Если я, к примеру, говорю, что мы обязаны обществу разумом, я всегда имею в виду, что разумом мы обязаны определенным конкретным индивидам» [8, с. 261]. Иными словами, абсолютизируя индивидуализм, «методологические индивидуалисты» в общественных науках, отрицают вслед за Поппером, Хайеком, любые социальные целостности («коллективы») как самостоятельные сущности, а вслед за этим – и историю как историю народов, обществ, этносов и любых социальных целостностей.

По В.А. Тишкову, возможна этнология «без этноса и даже за пределами этничности» [20, с. 33]. Иными словами, за отрицанием «коллективистских» понятий методологических индивидуалистов стоит де-факто отрицание социальных или социоприродных системных образований, в том числе таких, как этнос, народ, нация, общество, коллектив и т.п., и, следовательно, – и их истории.

В этом пункте Гумилев противостоит все обширной армии «методологических индивидуалистов» в пост-модернистской науке, «попперизму» [10; 17], как методологии, противостоящей историзму. Он подчеркивал: «мы имеем право рассматривать этнос как особую систему из социальных и природных единиц с присущими им элементами. Но если так, то этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды, этнического окружения и степени пассионарности, а также ее тенденции к увеличению или уменьшению» [5, с. 223]. Причем, последнее свойство этноса, как целостности, связано с обладанием элементами «организмических множеств», по Н. Рашевскому, «всеми видами активности»,

приводящими «к образованию статических или динамических структур» [5, с. 223].

Историческая этнология как гумилевская парадигма системной организации научного знания об этносах, включающая в себя и историю этносов или этноисторию, и этногеографию, теорию этногенеза и концепцию циклов жизни этносов, концепцию этносферы как части биосферы, рождается естественным путем на основе объединения метода эмпирических обобщений В.И. Вернадского и историко-генетического метода и принципа историзма.

Фактически созданная творчеством Л.Н. Гумилева историческая этнология предстает как парадигмальная научная школа в человековедении уже XXI в., и это еще нужно осознать представителям современной науки.

Категория «парадигмальная научная школа» была предложена нами в 2012 г. [13]. В этой работе сделана классификация видов научных школ, в том числе были выделены «научные школы парадигмального уровня», такие, например, как «научные школы Ньютона, Эйнштейна, Н. Бора, Пригожина» [13, с. 5]. Лев Николаевич Гумилев может считаться основателем научной школы, задающей новую научную парадигму в области этнознания – научной школы исторической этнологии.

Ранее я писал: «Прорывной характер гумилевской парадигмы этнологии, в моей оценке, в том и состоит, что он связал этногенез через категорию “этносферы” с категорией “биосферы”, с учением В.И. Вернадского и о биосфере, и о ноосфере, с его представлением о геохимической энергии. Этническая субстанция бытия человечества предстает не только как его некое промежуточное состояние, в котором доминируют биоэволюционные начала, пропущенные через фильтры культуры и социума, но и, что самое главное, как некий «трансформатор» воздействия Космоса, Солнца на социальное человечество. Можно отметить, что гелиобиология Чижевского по отношению к человеку через теорию этногенеза Гумилева приобретает новые этногенетические основания. Монолит разумного живого вещества, который репрезентирует человечество, имеет циклику и ритм в своем качестве синхронизированный с цикликой – ритмом Биосферы, в которой отражается циклика – ритм воздействия космических лучей и солнечного ветра. Этот ритм Л.Н. Гумилев раскрывает через учение о пассионарном толчке в циклах жизни этносов или этногенетических

циклах. С другой стороны, этнос предстает трансформатором воздействия Земли, в первую очередь ландшафтно-климатического разнообразия (Гумилев заостряет внимание на ландшафтном взаимодействии Природы с человеком), через особенности хозяйствования, на социальное человечество. Происходит реабилитация географического детерминизма не в форме его абсолютизации (от которой дистанцируется Гумилев), а в относительной форме, которая становится частью основания [Большой Логике Социоприродной Эволюции] БЛСЭ» [15, с. 54, 55].

Теория этногенеза Гумилева – стержневая теория исторической этнологии. В его публикациях она предстает как история этногенеза, в основном – на пространствах Евразии, в единстве с историко-ландшафтно-географической детерминацией, которая раскрывается как эмпирическое обобщение в науковедческой экспликации этого метода В.И. Вернадским.

Гумилев задает вопрос: где и какой стороной смыкается человечество с природой и окружающей географической средой? И отвечает: стороной своего этнического бытия [5, с. 144].

В диалоге с П.В. Флоренским «Помни о Вавилоне», состоявшемся в 1989 г., Л.Н. Гумилев заостряет внимание на том, что человечество вступило в «эпоху перехода в ноосферную единую земную цивилизацию», и в этом историческом контексте перед коллективным человеческим разумом «встают два вопроса: найти общий язык между народами и государствами и общий язык с природой. Нерешение задач – гибель. В первом случае, имея в виду ядерную войну, – мгновенная. Во-втором, – в результате тотальной экологической катастрофы – медленная и мучительная» [5, с. 317, 318]. Таким образом, теория этногенеза и историческая этнология, которую разрабатывает Л.Н. Гумилев, имеет свою миссию по отношению к будущему человечества – стать одним из оснований ноосферогенеза XXI в., позитивного решения проблемы становления ноосферной цивилизации человечества в форме планетарной кооперации этносов (народов) и на основе этой кооперации – управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, предполагающей установление ноосферного духовного экологического социализма [11].

Т. Шутова так подчеркнула значение гумилевской теории этногенеза 23 года назад (в 1989 г.): «на водоразделе истории с географией покоится теория этногенеза.

94 На водоразделе естественных и гуманитарных знаний – учение о ноосфере – наука будущего, где они соединяются в единое мировоззрение. Спасибо собеседникам, что осветили дорогу, ведущую к Храму ноосферы» [5, с. 327].

Каковы парадигмальные основания научной школы исторической этнологии Л.Н. Гумилева? Проинтерпретируем их с позиций теоретической системы ноосферизма [12].

1. Этногенез, этноэволюция человечества есть связующее звено между социальной эволюцией – историей человечества – и природной эволюцией – эволюцией Биосферы.

П.В. Флоренский в беседе с Л.Н. Гумилевым так проинтерпретировал это парадигмальное основание гумилевской парадигмы исторической этнологии: «ваш этнос – наш ландшафт, как говорили сватья в старое доброе время. Биосфера организуется в ландшафты, люди – в этносы. Эти два явления сосуществуют и имеют тот общий знаменатель, который позволяют естественнику и гуманитариию корректно беседовать – это история взаимодействия техники и природы через механизм этноса. И отношение людей к окружающей среде меняется в зависимости от фазы этногенеза» [5, с. 323].

2. Этнос, таким образом, есть фактор особого вида социобиологического единства, играющий свою роль в ноосферогенезе, сопровождающем, по В.И. Вернадскому, антропную эволюцию (антропогенез), отражая циклы и социоприродной гармонии, и социоприродных катастроф [5, с. 317].

Проблема, которая вытекала из опыта этно-экологической истории и которую осознавал Л.Н. Гумилев, и которую до сих пор не осознают современные «этнологи» (или «этнографы»), состоит в том, что в современных условиях развивающегося глобального экологического кризиса (или первой фазы Глобальной экологической катастрофы [4, с. 15]) императив выживаемости требует решения тех «двух вопросов», сформулированных Гумилевым – становление планетарной межэтнической гармонии и становление социоприродной – ноосферной гармонии.

Данное парадигмальное основание определяет историческую этнологию в будущем как ноосферную этнологию – составную часть ноосферизма, как единой ноосферной науки. Понимал ли эту ноосферную функцию формируемого им теоретического здания исторической этнологии Л.Н. Гумилев? – Внимательное исследование его ра-

бот, особенно последнего этапа его творчества, показывает – понимал!

Он писал: «В этнической среде человек или этнос может не сделать чего-либо вредного для природы, частью которой является он сам. Значит, необходимо предвидеть последствия своих поступков в отношении природы, ибо любая ошибка может стать роковой. Не стоит повторяться и рассказывать о множестве поводов для борьбы против цивилизации в защиту природы, хотя эта тема и входит в компетенцию этнологии» [4, с. 472–473].

3. Теория этногенеза через теорию пассионарных толчков (пассионарогенез), по Л.Н. Гумилеву, отражает в себе воздействие космической организованности Вселенной на этноэволюцию человечества, является еще одним подтверждением «Меморандума С.Н. Булгакова – В.И. Вернадского – А.Л. Чижевского» – меморандума космической организованности живого мироздания, манифестации космо-органноцентрического взгляда на Вселенную и ее составляющие [14, с. 507].

Развитие космического «измерения» этнологии и есть основание становления ноосферной этнологии как формы развития научной школы исторической этнологии Л.Н. Гумилева. Именно в ее теоретическом пространстве пассионарогенез как феномен исторической этнологии в парадигме Л.Н. Гумилева, получит завершенное обоснование. «Говоря о возможных источниках пассионарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу – космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе, эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих. Если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск в плюс-минус 50 лет – величина ошибки для определения длины инкубационного периода (Гумилев имеет в виду 2-ю фазу этногенеза – «пассионарный подъем», этап – «инкубационный период» – С.А.) – невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4 – 5 тысячелетий несомненна» [4, с. 473].

В работе «Теория этногенеза Л.Н. Гумилева и гелиобиология А.Л. Чижевского – гелиокосмическая революция в общей научной картине мира на протяжении XX века» (2008) [19, с. 401–413] я показал, что «энер-

гетизм этногенеза Л.Н. Гумилев связывает с «биохимической энергией живого вещества» по Вернадскому, не расшифровывая ее происхождение. Но в дальнейшем он приходит к гипотезе, что ее проявления, циклика или ритм, несут на себе влияние космобиосферных связей, которые затем трансформируются в этно-биосферные связи» [19, с. 407].

4. Этногенез, по Л.Н. Гумилеву, есть «этногенетический полидетерминизм» [19, с. 407], в котором раскрывается взаимодействие «истории», «географии – ландшафтоведения», «экологии» и «генетики» [5, с. 44]. Этническое поведение человека, совокупностей людей, которые получили название этносов, выражает собой «этноэволюционную приспособляемость» человека [19, с. 407], в первую очередь, к «кормящему ландшафту» [5, с. 77]. Эта приспособляемость и есть системообразующий фактор в системообразующем этносе (как этнической системы), в котором отражается своеобразная форма динамического неравновесия между человеком и геобиоценозом, в основе которого лежит обмен энергиями [5, с. 129].

Физико-энергетическое основание этногенеза в теоретической системе исторической этнологии Л.Н. Гумилева полностью опирается на учение о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского, в частности на теоретические положения работы «Химическое строение биосферы земли и ее окружения» [5, с. 132].

Можно утверждать, что открытием Л.Н. Гумилева является «внутриэтническая эволюция, которая равно не похожа на социальную и биологическую» [4, с. 235], и движителем которой является переход к «этноландшафтному равновесию» [4, с. 235]. Из этого следует, что этнос, как преобразователь циклики гелиокосмического воздействия на Землю и живое вещество Биосферы в циклику этносоциальной эволюции, приобретает значение «преобразователя развития общества через его этническую субстанцию» [18].

Отметим, что именно этот момент не замечают многие современные социологи. Витальная социология есть социология жизненных сил, которую развивает алтайская научная школа социологов во главе с С.И. Григорьевым [1; 9]. Историческая этнология, теория этногенеза дает очень много для теоретической экспликации категории жизненных сил общества. Л.Н. Гумилев подчеркивал: «биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, но приобретает черты, не свой-

ственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез» [4, с. 23]. И антропосфера включает в себя «этносферу» (понятие, введенное Л.Н. Гумилевым).

Из этого вытекает и особое качество в понимании социобиологического единства человека. Биологичность человека приобретает характеристику его этнобиологичности [19, с. 408].

По этому поводу в 2008 г. я писал: «при этом, этнобиологичность не есть только биологичность, а есть и этносоциальность человека... этнос есть особая форма проявления эволюции человека как биосоциального существа. В этносе происходит синтез биологической и социальной эволюции, приводящий к новому качеству биологической эволюции – этнической, циклика или ритм которой проявляет воздействие циклики или ритма «матери-Природы» – Биосферы, Земли, Солнца, Космоса на живое вещество человечества, народов, этносов, и через него – на историю человечества, частью которой является циклика или ритм этноистории человечества, открытые Л.Н. Гумилевым» [19, с. 408, 409].

В заключение отметим, что историческая этнология Л.Н. Гумилева в системе ноосферизма дает дополнительные основания к пониманию путей решения проблемы XXI века – проблемы перехода человечества к управляемой социоприродной (социобиосферной = ноосферной) эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества – единственной стратегии выхода человечества из экологического тупика Истории – первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Следует помнить предостережение великого представителя эпохи великого Русского возрождения Льва Николаевича Гумилева: «вандализм не ограничивает поле своей деятельности памятниками искусства. Он еще более губителен, когда его объектом является беззащитная природа» [4, с. 447].

Л.Н. Гумилевым создана парадигмальная научная школа исторической этнологии, время признания которой еще впереди.

Лев Николаевич Гумилев – поистине масштабная возрожденческая фигура вернадскианского цикла эпохи Русского возрождения в XX в., человек ноосферного будущего человечества и России. Л.А. Вознесенский писал о нем: «Человек редкой эрудиции, прежде всего, в области истории, географии, этнографии (этнологии), сопряженных с ними дисциплин, он к тому же был великолепным знатоком литературы и особенно – поэзии... Лев Николаевич

не только хранил в своей бездонной памяти стихи множества поэтов – он и сам получил от обоих своих родителей удивительно образное мышление и прекрасный поэтический дар» [2, с. 19].

Этночеловековедение и этнонароведение Льва Николаевича Гумилева поистине масштабны и космоноосферны по своей сути. Он очень тонко подметил проблему Наблюдателя при создании любой теории и проблему, стоящую перед любым исследователем: как избежать ложной позиции Наблюдателя-исследователя: «представим себе наблюдателя, который изучает не весь ход капли до земной поверхности, а любые два сантиметра в середине пути. Он неизбежно придет к выводу о ложности закона Ньютона: ведь капля, по его наблюдению, движется не только вниз, но вбок и часто вверх. Вывод ложен, но логичен, ибо ошиб-

ка скрыта в постановке задачи: допущено право исследователя на сужение темы, без координации с окружающими проблемами. И пусть не говорят, что такого не бывает! На аналогичную методичку, ведущую к заведомым заблуждениям, жаловался еще Аку-Аку Тура Хейердала.

Представленный нами на суд читателей трактат имел целью не столько уяснение истории как таковой, сколько понимание истории как пособия для решения проблем естествознания, в частности изучения биосферы. Прямое же изучение динамики этнических систем, как ее части, возможно лишь при обработке исторического материала методами естественных наук... Установление взаимозависимости этой динамики с ландшафтными изменениями и есть та задача, которая решается этнологией» [4, с. 472].

Список литературы:

- [1] Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы Неклассической социологии. – М.: РУСАКИ, 2000. – 206 с.
- [2] Гумилев Л.Н. Дар Слов мне был обещан от природы / Полное собрание художественного творческого наследия. – СПб.: Росток, 2004. – 624 с.
- [3] Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи / Предисл. В.Ю. Ермолаева. – М.: Экопрос, 1994. – 624 с.
- [4] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 496 с.
- [5] Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 42.
- [7] Поппер К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. – М.: Межд. Фонд «Культурная инициатива» SOROS FOUNDATION (USA), 1992.
- [8] Поппер К. Открытое общество и его враги. Том II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ., под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Межд. Фонд «Культурная инициатива», SOROS FOUNDATION (USA), 1992.
- [9] Социология жизненных сил человека – парадигма настоящего и будущего / Ред. С.И. Григорьев. – М., 1998.
- [10] Субетто А.И. Критика «экономического разума». – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 508 с.
- [11] Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма. – СПб.: Астерион, 2011. – 108 с.
- [12] Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2001. – 527 с.
- [13] Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы – СПб.: «Астерион», 2012. – 76 с.
- [14] Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. – СПб.: Астерион, 2010. – 544 с.
- [15] Субетто А.И. От В.И. Вернадского к Л.Н. Гумилеву: этногенез в системе ноосферогенеза // Учение Л.Н. Гумилева и современность / Ред. колл.: Л.А. Вербицкая (гл. ред.), А.И. Чистобаев (зам. гл. ред.), К.Б. Клоков, А.В. Норин, В.Т. Пуляев, А.И. Субетто, Е.В. Маслова (отв. секр.). – СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002. – С. 51–57.
- [16] Субетто А.И. Очерки теории качества (авторская ретроспекция). – М.: Исслед. центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 2002. – 108 с.
- [17] Субетто А.И. Свобода. Книга первая. Критика «либерального разума» (научная монографическая трилогия). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 232 с.
- [18] Субетто А.И. Системный анализ современного общества (Научный доклад) – СПб.: Астерион, 2004. – 88 с.
- [19] Субетто А.И. Эпоха Русского Возрождения в персоналиях. I том. Титаны Русского Возрождения. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 500 с.
- [20] Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.